

Владимир Гиляровский

М. В. Лентовский

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Москва и москвичи // Эксмо, М., 2008

ISBN: 978-5-699-11515-0

FB2: "shum29", 16.11.2008, version 1.0

UUID: a6d6b0ac-0525-102c-99a2-0288a49f2f10

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Алексеевич Гиляровский

М. В. Лентовский

(Люди театра)

«Над входом в театр «Эрмитаж» начертано было: «Сатира и мораль».

Это была оперетка М. В. Лентовского, но оперетка не такая, как была в Москве до него и после него...»

Владимир Гиляровский
М. В. Лентовский

Над входом в театр «Эрмитаж» начертано было: «Сатира и мораль».

Это была оперетка М. В. Лентовского, но оперетка не такая, как была в Москве до него и после него.

У него в оперетке играли С. А. Бельская, О. О. Садовская, Зорина, Рюбан (псевдоним Л. В. Лентовской, артистки Малого театра), О.И. Правдин, Родон, Давыдов, Фюрер, певец Большого театра.

Публика первых представлений Малого и Большого театров, не признававшая оперетки и фарса, заполняла зрительный зал театра Лентовского в бенефисы своих любимцев. В 1882 году, в первом году его блеска (год Всероссийской выставки), в саду «Эрмитаж», залитом (впервые в Москве) электричеством, кто-то в публике, указывая на статную фигуру М.В. Лентовского в белой чесучовой поддевке, бросил крылатое слово:

– Московский маг и чародей.

Слово это подхватили газеты, и это имя осталось за ним навсегда, но никто не знал, чего это имя ему стоило.

Лентовским любовались, его появление в

саду привлекало все взгляды, его гордая фигура поражала энергией, и никто не знал, что, прячась от ламп Сименса и Гальске и ослепительных свечей Яблочкова в кустах за кассой, каждый день дежурят три черных ворона, три коршуна, «терзающие сердце Прометея».

Это были ростовщики. Они поочередно, день – один, день – другой, день – третий, забирали сполна сборы в кассе.

Как-то одного из них Лентовский увидал в компании своих знакомых, ужинавших в саду, среди публики. Сверкнул глазами, прошел мимо. В театре присутствовал «всесильный» генерал-губернатор князь Долгоруков. Лентовский торопился его встретить. Возвратившись обратно, он ищет глазами ростовщика, но стол уже опустел, а ростовщик разгуливает по берегу пруда с сигарой в зубах.

– Ты зачем здесь? Тебе сказано сидеть в кустах за кассой и не показывать своей морды в публике!

Тот ответил что-то резкое и через минуту летел вверх ногами в пруд.

– Жуковский! Оболонский! – крикнул Лентовский своим помощникам. – Не пускать эту

сволочь дальше кассы, они ходят сюда меня грабить, а не гулять!

Весь мокрый, в тине, без цилиндра, который так и остался плавать в пруду, обиженный богач бросился прямо в театр, в ложу Долгорукова, на балах которого бывал как почетный благотворитель. За ним бежал по саду толстый пристав и догнал его, когда он уже отворял дверь в губернаторскую ложу.

– Это что такое? – удивился Долгоруков, но подоспевший Лентовский объяснил ему, как это было. – Ростовщик? И жаловаться! В каком вы виде! Пристав, отправьте его просушиться! – приказал Долгоруков.

Старый солдат исполнил приказание по-полицейски: продержал ростовщика до утра в застенке участка и, просохшего, утром отпустил домой.

И эти важные члены благотворительных обществ, домовладельцы и помещики, как дворовые собаки, пробирались сквозь контроль в кусты за кассу и караулили сборы!

А сборы были огромные, но расходы все-таки превышали их: уж очень широк был размах Лентовского.

Только «маг и волшебник» мог создать из развалин то, что сделал Лентовский в саду «Эрмитаж». Когда-то там было разрушенное барское владение с вековым парком, огромным прудом и остатками дворца; потом француз Борель, ресторатор, устроил там немудрые гулянья с буфетом, эстрадой и небольшой цирковой ареной для гимнастов. Дело это не привилось и перебивалось «с хлеба на квас».

Приехал как-то в этот сад Лентовский. Осмотрел. На другой день привел с собой архитектора, кажется, Чичагова. Встал «в позу Петра Великого» и гордо сказал:

– Здесь будет город заложен!

Говорит и то размахивает руками, будто рисует что-то, то чертит палкой па песке.

– Так!.. Так! «И запируем на просторе!..»

И вырос «Эрмитаж» среди задворков убогих домишек между Божедомским переулком и Самотекой, засверкал огнями электричества и ослепительных фейерверков, загремел оркестрами из знаменитых музыкантов!

* * *

Летний московский вечер. В саду «Эрмитаж» головка московской публики. Гремит

музыка перед началом спектакля. На огромной высоте, среди ажюра белых мачт и рей, летают и крутятся акробаты, над прудом протянут канат для «русского Блондека». На середине огромной площадки цветники с фонтаном, за столиками постоянные посетители «Эрмитажа». У каждого свой столик. Вот редактор «Московского листка» Пастухов со своими сотрудниками. Рядом за двумя составленными столами члены московской Английской колонии, прямые, натянутые, с неподвижными головами. По соседству гудит и чокается – кто шампанским, кто квасом – компания из Таганки, уже зарядившаяся где-то заранее. На углу, против стильного входа, сидит в одиночестве огромный полковник с аршинными черными усами. Он заложил ногу на ногу, курит сигару и ловко бросает кольца дыма на носок своего огромного лакового сапога. Это полицмейстер Огарев.

– Душечка, Николай Ильич, как это вы ловко, – замечает ему, улыбаясь, одна из трех проходящих шикарно одетых дам.

Он милостиво улыбается и продолжает свое занятие.

А кругом, как рыба в аквариуме, беспорядочно двигается публика в ожидании представления. Среди них художники, артисты, певцы: всем им вход бесплатный.

Антон Павлович Чехов с братом Николаем, художником, работающим у Лентовского, вместе с архитектором Шехтелем стоят у тира и любят одним своим приятелем, который без промаха сшибает гипсовые фигурки и гасит пулькой красные огоньки фигур.

В театре оркестр грянул увертюру, и все хлынули в театр. Серафима Бельская, Зорина, Лентовская, Волынская, Родон, Давыдов – прекрасные голоса, изящные манеры. Ни признака шаржа, а публика хохочет, весела и радостна.

«Сатира и мораль».

В антракте все движутся в фантастический театр. Там, где чуть ли не вчера стояли развалины старинных палат, поросшие травой и кустарником, мрачные и страшные при свете луны, теперь блеск разноцветного электричества – картина фантастическая... Кругом ложи в расщелинах стен, среди дикого винограда и хмеля, перед ними столики под шелко-

выми, выписанными из Китая зонтиками. А среди развалин – сцена, где идет представление. Откуда-то из-под земли гудит оркестр, а сверху, из-за развалин, плывет густоколокольный звон.

Над украшением «Эрмитажа» и его театров старались знаменитости: Карл Вальц, Гельцер, Левот, выписанный из Парижа, Наврозов, Шехтель, Николай Чехов, Бочаров.

Аплодисментам и восторгам публики нет конца. И всюду, среди этого шума и блеска, мелькает белая поддевка Лентовского, а за ним его адъютанты: отставной полковник Жуковский, старик князь Оболенский, важный и исполнительный, и не менее важный молодой и изящный барин Безобразов, тот самый, что впоследствии был «другом великих князей» и представителем царя в дальневосточной авантюре, кончившейся японской войной.

Безобразов тогда уже бывал в петербургских сферах, но всегда нуждался в деньгах и из-за этого выполнял разные поручения Лентовского, а иногда был у него просто на посылках.

– Жуковский, закажи ужин! Скажи Будакову, что Пастухова сегодня кормлю, – он знает его вкусы.

– А ты, князь, опять за уборными не смотришь... Посмотри-ка в павильоне что...

Остается на берегу пруда вдвоем с Безобразовым.

– Так завтра, значит, ты едешь в Париж. Посмотри там, нет ли хороших балерин... Там тебе приказ написан, все подробно. На телеграммы денег не жалей.

– Слушаю, Михаил Валентинович.

А утром я вижу в «Эрмитаже» на площадке перед театром то ползающую по песку, то вскакивающую, то размахивающую руками и снова ползущую вереницу хористов и статистов, впереди которой ползет и вскакивает в белой поддевке сам Лентовский. Он репетирует какую-то народную сцену в оперетке и учит статистов.

Лентовского рвут на части. Он всюду нужен, всюду сам, все к нему: то за распоряжением, то с просьбами... И великие, и малые, и начальство, и сторожа, и первые персонажи, и выходные... Лаконически отвечает на во-

просы, решает коротко и сразу... После сверкающей бриллиантами важной Зориной, на которую накричал Лентовский, к нему подходит молоденькая хористочка и дрожит.

– Вам что?

– М...м...мм...

– Вам что?

– Михаил Контрамарович, дайте мне Валентиночку...

– Князь, дай ей Валентиночку! Да две: небось с кавалером! – И снова на кого-то кричит.

М.В. Лентовский частенько бывал «обязан полицией о невыезде из Москвы».

В один прекрасный вечер он вылетел на воздушном шаре за пределы не только столицы, но даже и Московской губернии. Забеспокоились кредиторы, заявили в полицию, а один из самых злобных даже требовал, чтобы полиция привлекла его за нарушение подписки о невыезде.

Дело кончилось ничем, а Лентовский смеялся:

– Я не давал подписки о невылете.